

Гл. 2 «Благодати» 1952 год. Выбор. Авиация или музыка.

В нашей Ташлыкской, а после переименования, Каменской средней школе пионервожатой работала Мария Михайловна Барали, музыкальный самородок. Певица и танцовщица, хореограф и балетмейстер, терпеливая и настойчивая организаторша всех и всяких школьных, общественных мероприятий. Молодая, красивая, энергичная, свободная от семейных уз женщина, беспредельно отдавалась школьной художественной самодеятельности. Под её руководством самодеятельность расцвела до такой степени, что отдельные номера танцевальной группы побеждали и на областном, и на республиканском смотрах, то есть в Измаиле и в Киеве. Тогда Измаил был областным центром. Я, как участник школьной самодеятельности, и пел, и танцевал. Помню, как я трепетал от волнения при исполнении песни «Летят перелетные птицы» под аккомпанемент профессиональной аккордеонистки – жены местного главврача сельской больницы, - Рафаила Львовича из Одессы.

В культ маге, где продавщицей работала моя крестная мама, (нанашка) Валентина Максимовна Морареску, я за заработанные мною в геологоразведке деньги, купил гармошку-хромку. Научился на слух играть мелодии тех лет. Первой и главной была песня «На позиции девушка провожала бойца». Гармошка- гармошкой, а рука моя тянулась к аккордеону. Уже в десятом классе, в конце 1952 г., где-то в октябре, вовремя 19 съезда КПСС, в сельском клубе, где проводились танцы для колхозной молодежи, я попросил местного свадебного музыканта-аккордеониста разрешения поиграть на инструменте – блестящем, черном аккордеоне. Он улыбаясь, снял с себя аккордеон, помог надеть ремни на мои плечи и сказал: «На! Играй», ушел. Когда я нажал на отдельные клавиши и скомпоновал первый, а потом второй аккорды, душа моя содрогнулась от восторга. Мощь и красота аккордеонного звука, родившегося из-под моей руки, меня взволновали. Я понял, что буду играть на аккордеоне и его любить!

Учительница и завуч нашей школы, Татьяна Борисовна, прибыла к нам в школу по назначению после окончания Одесского института. Жила она в доме по соседству со школой. После встречи Нового 1953 года, я попал к ней в гости. Войдя в её комнату, я увидел в углу за дверью, прямо на полу, серый, перламутровый, большущий аккордеон. Я спросил Татьяну Борисовну, что это такое? Указав пальцем на аккордеон. Она рассказала, что этот инструмент принадлежит слепому музыканту – другу хозяина дома, где она живет. Что музыкант по найму играл в клубе, и на пару дней уехал, а аккордеон оставил на сохранение товарищу. Я попросил у Татьяны Борисовны разрешения поиграть на аккордеоне. Она разрешила. На этом и закончился наш любезный разговор. Она 24-х летняя девушка, хранила себя для мужа, а я малоопытный любовник – 17-и летний десятиклассник. Что могло быть между нами, кроме поцелуев? Ничего! Так оно и случилось. Я прилип к аккордеону и пиликал на нём, пока она не сказала с легким гневом: " Ты еще долго будешь мучить эту гармошку?" Я очнулся, улыбнулся и попросил прощения. Возвращаясь к себе домой за-полночь, я думал не о любовных приключениях, а о музыкальных достижениях.

В 10-м классе, на завершающем этапе получения общего среднего образования, четко выкристаллизовалась мысль – мечта стать летчиком. Именно летчиком – пилотом, а не авиатором «вообще». Другими словами, летать, а не обслуживать летающих. В военкомате я записался болгаринном, по национальности моего отца, не зная тогда о том, что болгар в армию СССР не берут. Из нас – учеников – выпускников 1953 г., большинство было болгар. Что делать? Рушится мечта. Посоветовавшись с директором школы – секретарем парторганизации села, пришли к единственному, дающему шанс, решению – писать письмо И.В. Сталину. И написали! Ответа нет и нет. И как взорвавшаяся бомба, оглушает нас сообщение о смерти товарища Сталина! Мгновенно возникает идея поехать на похороны И.В. Сталина, в Москву. И вот, мы пятеро ребят – все болгары стопроцентные, кроме меня, моя мама не болгарка, рванули со школы. Уговоры не помогли. По пути в райцентр – железнодорожный узел, мы зашли в село, в котором проживали трое из нас, чтобы они смогли согласовать свои действия со своими родителями. Ведь нужны были и деньги на дорогу, хоть мы и предполагали продвигаться на крышах вагонов. В конторе колхоза, председателем которого был отец одного из троих односельчан, буквально за секунду до нашего выхода из помещения и продолжения движения вперед к цели, раздался резкий, тревожный, телефонный звонок. Дежурный нас задержал и попросил кого-нибудь из нас подойти к телефону. Подошел я, как зачинщик и вдохновитель этого похода, и как лучше остальных артикулирующий русские слова, без акцента. «На проводе» оказался сам первый секретарь райкома партии. Поздоровавшись со мной, он сразу спросил меня, как ученика заканчивающего среднюю школу, что я могу ему рассказать о ходынской трагедии, или, хотя-бы, о ходынском поле. Промолчав дольше нескольких, привычных секунд, я сказал, что не знаю. Он сказал, что просит нас вернуться, что за нами прибудет машина, которая развезет нас по селам, где мы живем. Он попросил меня позвонить ему лично или через директора школы после того, когда я ознакомлюсь с историей о ходынке. Я был посрамлен и подавлен своим незнанием. Я смысл разговора передал ребятам и предложил вернуться тем, кто согласен. Трое согласились, а Федя Кара – один из лучших учеников школы, серьезно и упорно сказал, что мы можем вернуться, он нас не осуждает. Дальше он поедет один.

Вскоре, уже ночью, приехала грузовая машина Газ-51, с дощатой скамейкой в кузове. Нас запросили на посадку. Мы попрощались с Федей и запрыгнули в кузов машины. Когда машина двинулась, Федя подбежал и с трудом залез в кузов.

К концу учебы в выпускном классе, непреклонно стал вопрос о том, куда поступать учиться дальше? Вопрос стал главным и для меня. Мария Михайловна – наш хуторок, упрасивала меня поступить в Одесскую консерваторию. Она убеждала меня, что в послевоенную, дефицитную на таланты консерваторию, меня примут без обще-предметных

экзаменов. Экзаменов я не боялся, так как учился превосходно. Музыку любил и люблю сейчас. Но намерен поступать в военное авиационное училище. А ответа из Москвы все нет и нет! Уже весной, под самый конец учебы, вдруг вваливается в наш класс, во время урока по украинскому языку, Иван Иванович – наш военрук, и, не обращая внимания на сидящую за столом учительницу, кричит: «Хлопцы! Пришло!» Когда он рассказал о том, что прибыло указание, которое разрешает болгарам поступать в военные училища, нас охватил восторг, и мы с криками «Ура» вскочили из-за своих парт. Вопрос о поступлении отпал. Я буду поступать в военное авиационное училище.

PS! Знали бы матери и отцы сыновей – болгар по чьей вине начнется мобилизация их детей в Советскую армию, нас бы «похвалили».

В Харьковское военное авиационное училище (теперь оно называется именем Ивана Кожедуба), я поступил в свои семнадцать лет после окончания десятилетки. До 1953 года училище выпускало лейтенантов через два года учебы. Я готовился стать офицером в 19 лет. Но через несколько месяцев учебы, пришел приказ о формировании первых подразделений с трехгодичным обучением. Из трех рот батальонов отобрали курсантов семнадцати и восемнадцати лет и сформировали роту трёхгодичников. В такую роту попал и я. Планы и мечты изменились по срокам с вынужденной задержкой на год. С первых дней учебы меня назначили командиром отделения и присвоили воинское звание младший сержант. Учился я успешно. И все классное отделение, а это двадцать пять курсантов, учились на «хорошо» и «отлично». На арке над парадными воротами училища был установлен транспарант: «Учиться так, как учатся 53-е и 54-е классные отделения!» Командиром 54-го отделения был я. Сданы государственные, выпускные экзамены. Наступила пора ожидания приказа Министра обороны СССР о присвоении курсантам офицерских званий – лейтенант. Пришло время примерки и пошива форменной одежды – шинелей и тужурок, парадных и повседневных и, конечно, хождение в караулы, чтобы не бездельничать. Выход за ограждение территории училища считалось самовольным покиданием части, то есть – самоволкой. Большая часть территории училища была ограждена слабо натянутой, колючей проволокой. Выйти за ограждение было легко. В дневное время, в спортивной форме, изображая спортсмена на тренировке, можно было выбегать за территорию училища безнаказанно.

Я- сержант и мне завтра заступать в наряд начальником караула, а сегодня выходной день. Во всей выпускной роте расслабуха. Волейбольные и баскетбольные площадки не пустуют, слышны звуки аккордеона и гитары. В лен комнате играют в шахматы и шашки, любители «бачают» на пианино. Народ активно отдыхает. Курсант из моего отделения по фамилии Каряк - местный житель, отпросился в увольнение. Уходя в город к своим родителям, он пригласил меня в гости, чтобы побыть в домашних условиях часок – другой. Я согласился. Надев спортивный костюм, по проторенной спортсменами – бегунами тропе через проволочное ограждение, я ушел на встречу с Коряком. За обеденным столом, я как все присутствующие, выпил пару рюмок водки. Принесли аккордеон. Я немного поиграл, что-то модное спел и собрался уходить. До трамвая меня проводил Каряк. Я вошел в трамвай через заднюю, не закрываемую дверь, уселся и поехал. После меня в трамвай вошли еще два парня, но как они входили я не видел, так как сидел и смотрел в окно. Почти пустой трамвай уже катился по полю. Трамвай из Алексеевки, прежде чем доехать до училища, пересекал довольно длинный участок не заселенного пространства, ехал через степь. Я смотрел в окно неотрывно, чтобы не зевнуть нужную мне остановку. И вдруг, неожиданно для меня, один из вошедших парней нанес мне сильнейший удар кулаком в лицо. Ошеломленный, я вскочил и инстинктивно ткнул правой рукой в то, что видел. А это оказался второй парень, который приблизился, чтобы помочь своему товарищу меня избить. От моего, испуганного удара он потерял равновесие, ткнулся спиной в закрепленную вертикально в центре задней площадки трамвая трубу, срикошетил и вылетел из движущегося трамвая. Я мгновенно сообразил, что «горю», что надо немедленно выбираться из этой ситуации и бежать к училищу. Но парень, который ударил меня, был значительно массивнее меня и, уцепившись рукой за спортивную рубашку на моем левом плече, не отпускал меня, да и рубашка оказалась высококачественной – не рвалась. Не видя спасения, я зубами вгрызся в его руку, захватив большой кусок шкуры. Рвал мотая головой, как волк рвет мясо своей жертвы. Одновременно я тянулся к выходу, проталкивая и его. Оторвав кусок шкуры в рот, я выплюнул содержимое. Не успев кунуть его вторично, как кондукторша подняла крик и трамвай остановился. Остановился он около какой-то старой бани или прачечной, не доехав до предназначенной остановки. Когда трамвай начал тормозить, мы добрались до двери, а в момент остановки вывалились из трамвая. Выпали мы, вцепившиеся друг в друга клубком, на край глубокого оврага, на дне которого были нечистоты, грязь и вонь. И мы двое, совершенно не знакомые люди, кубарем, как сцепившиеся собаки, покатались по склону оврага вниз, в вонючее болото. Докатались мы до болота в тот момент, на мою удачу, когда я оказался сверху, а он подомной. Я ткнул его голову в смрадную, отвратительную жижу и он меня освободил. Я рванул вверх по оврагу, карабкаясь ногами и руками, с единственной мыслью, бежать, бежать во спасения. И вот она- рельса трамвайного пути. Я уже дотянулся до нее и ухватился рукой...Но в это время меня парализует шокирующая боль в спине между лопатками. Я на секунду замер. Оказавшись в сильно наклоненном вперед положении, я увидел форменные брюки милиционеров. Рванул вправо – боль, рванул влево – боль. И когда, в следующий момент, я увидел свои грязные, без обуви ноги с одним выпадающим носком, прекратил сопротивление.

Два милиционера жестко, заломив мне обе руки, продолжали с напряжением удерживать меня. Один из них сказал, чтобы я шел к машине. Когда я поднял голову и оглянулся вокруг, увидел странную картину для себя! Стояли две машины. Милицейская, синяя, легковая «победа» и машина «ГАЗ-51» - скорой медицинской помощи. И очень много людей – зевак вокруг! Откуда? Как? Когда они собрались? Но когда я увидел перед собой своего командира взвода

капитана Зонтикова, я понял, - мне конец! Я не мог сориентироваться, сколько же времени прошло. По моему понятию, все это происшествие длилось несколько минут. Именно минут! Однако, откуда взялись машины, люди, милиция, да и сам Зонтиков?! Меня усадили в милицейскую «победу» на заднее сидение среди двух милиционеров и повезли куда-то. При движении мы приблизились к машине скорой медицинской помощи, и я увидел, как что-то прикрытое белой простыней, грузили в кузов через заднюю, открытую дверь. Привезли меня в отделение милиции и привели в большую комнату – зал. В углу этой полупустой комнаты я сразу узрел черное пианино. К этому моменту, а это было уже ночью, я полностью отрезвел, но не понимал серьезность и катастрофичность своего положения. Пришел следователь и начался допрос с составлением протокола. Главный вопрос, который задавал следователь несколько раз, был таким: «Каким образом ты умудрился нанести восемь ранений острым предметом головы, одного из участников драки?» Я ему объяснил, что я курсант военного училища, что занимался тренировкой по бегу на большие дистанции, что мне стало плохо с животом, что я, чтобы быстрее добраться в училище, сел в трамвай. А уже в салоне трамвая, неожиданно для меня, какой-то не знакомый мне мужчина сильно ударил меня в лицо, что мы вцепились друг в друга и выкатились из трамвая. Я был одет в спортивный костюм без карманов и никаких предметов в моих руках не было. Следователь сказал, что прибудет машина и меня заберут в училище. В ожидании машины, под контролем одного милиционера, я успокоился и попросил у него разрешения поиграть на пианино. Поскольку время было позднее и никого, кроме дежурного милиционера не было в отделении, я получил утвердительный кивок головой. Я сел за пианино и начал играть какие-то популярные в то время мелодии.

Приехал мой командир взвода и увез меня в училище. Сдал меня дежурному по училищу подполковнику с красной повязкой на рукаве. Подполковник – один из преподавателей училища, начал меня допрашивать, притом в грубой, не позволенной форме, требуя информацию для доклада начальнику училища о происшествии. Он сразу спросил: «Где и сколько водки ты выпил?» Я ответил, что нигде и несколько водки не пил. «Как не пил? От тебя вонь сюда доходит!» - крикнул он. Я немного дерзковато ему сказал, что не ему меня допрашивать, что меня уже допросили в милиции. Он резко встал, дал команду своему помощнику отвести меня в санчасть и принести письменное заключение дежурного врача о моем алкогольном состоянии. Меня в таком виде, в котором я оказался, грязного и босого, привели в санчасть. Дежурным по санчасти оказалась женщина – капитан медицинской службы. Когда мы, сопровождающий и я вошли в помещение санчасти, прошумев дверью, дежурная поднялась и пошла на встречу нам. Не дожидаясь выступления сопровождающего и вопросов дежурной, я вышел немного вперед и громко, четко сказал: «Товарищ капитан! Вот товарищи говорят, что я пьян, а я ни вина, ни водки не пил.» Сопровождающий гаркнул: «Замолчи!» Но я уже высказался. Обращаясь к докторше, он сказал, чтобы она дала в письменной форме заключение о моем состоянии. Она проницательно посмотрела мне в глаза и потребовала дыхнуть на нее. И я, глядя ей в глаза неотрывно, резко приблизил свое лицо к ней и с шумом вдохнул. Глядя на меня несколько секунд, потом на сопровождающего офицера, потом опять на меня, сказала: «Дышите еще раз.» Я повторил шумный вдох. Она, доктор – капитан медицинской службы мгновенно все поняла и решила, по благородству души своей, спасти меня. Она сказала, что нет признаков опьянения и пошла к своему рабочему столу писать заключение. Она так и написала: «Нет признаков опьянения.» Меня отправили на гауптвахту, которая находилась рядом с караульным помещением. Мои товарищи и сокурсники взяли меня под замок. Позже принесли мою курсантскую одежду и сапоги. Наказание мне было определено – строгий арест до окончания следствия. Но так как, в училище не было условий для содержания арестантов под строгим арестом, меня перевели в гарнизонную гауптвахту при комендатуре города Харькова.

Когда всем заинтересованным лицам стало ясно, что я не мог находиться одновременно в двух удаленных друг от друга местах, и как обвиняемый в нанесении тяжких повреждений третьему лицу, не прохожу, меня перевели на простой арест на двадцать суток. После моего возвращения в свое подразделение, командир роты майор Хаит, сразу повел меня в каптерку, так как другие помещения были заняты огромными чемоданами, изготовленными по заказу для «барахла» будущих лейтенантов. Вызвал в каптерку моего подчиненного и ближайшего товарища – секретаря комсомольской организации роты, курсанта Курило и сказал ему, чтобы он подготовил протокол решения общего собрания роты об моем исключении из комсомола. Курило, опустив глаза, даже не глянув на меня, подписал бумагу. Потом Хаит повел меня в кабинет начальника училища. Начальник училища спросил Хаита: «Ну, что будем делать, жалеть или выгонять?» Хаит, вспотевший с наклоненной головой набок и к начальнику, как это делают инстинктивно собаки, ответил: «Выгонять.» Там и тогда, в присутствии Хаита и начальника училища, я – сержант и командир лучшего классного отделения училища, отличник учебы и кандидат на диплом с отличием, кристальной твердости ленинец,- заплакал. Но меня исключили! И направили служить рядовым солдатом в комендантский взвод училища. Мои готовые лейтенантские костюмы и шинели достались кому-то другому. В комендантском взводе меня назначили смотрителем летнего душа с основными обязанностями следить, чтобы курсанты – негодяи не гадили на огражденной территории душа.

Моим страданиям и не утихающей скорби из-за утраченной карьеры офицера не было конца. Мои родители, сестры, родственники, товарищи, соученики и моя девушка со школьного времени, - все ждали меня – блестящего офицера ВВС СССР! Мысли о них непрерывно и беспощадно терзали мое сердце и душу. Не стал лейтенантом в 19, не стал им и в 20 лет. Жизнь надо начинать сначала. Надо мной нависла еще одна угроза. Поскольку курсантские годы учебы в срок службы мне не зачли, то мне предстояло еще два года служить рядовым солдатом в армии. Мне тягостно было смотреть на лейтенантов-выпускников, суетящихся по территории училища. Переживая свое неумное горе, скорбя по утрате ожидаемого, своего триумфа, я старался не выходить из казармы или из пристройки к летней бане-

душу. Но порядочные, искренние товарищи меня нашли и пригласили на прощальную вечеринку по случаю выпуска. Мы встретились за столом в квартире нашего любимого преподавателя капитана Белоусова. Он со своей женой, группа лейтенантов в золотых погонах и я, их бывший командир, в солдатской гимнастерке хэбэ вместе с ними. Фотоснимок того застолья сохранился у меня до сих пор. За столом сидят расслабленные, улыбающиеся офицеры-лейтенанты в белых, парадных рубашках при галстуках, преподаватель со своей женой, и я грустный, подавленный судьбой человек.

Хотел написать: «придавленный Хаитом», но написал «судьбой», потому что! Однажды, уже на третьем курсе учебы, мне нужно было пойти в увольнение в город. Но поскольку в казарме в выходные дни, по традиции, должен оставаться хотя-бы один сержант, то оставили меня. Когда офицеры-командиры взводов разошлись по домам к обеду, а в казарме остались несколько человек, я решил все-таки уйти в город самовольно на пару часов. Одежда, подтянул ремень, начистил сапоги и пошел, конечно, через известный самовольщикам проход. Чтобы дойти до трамвайной остановки, надо было пройти пешком, спускаясь вниз по склону улицы Клочковской. Приближаясь к остановке, я увидел идущего мне навстречу командира роты Хаита. Я вздрогнул! Но спокойно, четко отдав честь, то есть приветствовал, и пошел дальше. Осторожно оглянувшись, я оценил обстановку. Хаит ускорил шаги, перешел на другую сторону улицы, явно направляясь в училище. Я же выбежал на дорогу, собой остановил первую машину, буквально, у своих ног. С шумом остановилась серая «победа». Голосом и поведением, не терпящим возражений, я сказал: «Вези быстро вверх и поверни направо перед училищем!» Сам заскочил в машину через заднюю дверь и улегся на пол. Лежа на полу добавил: «Гони сколько можешь, я заплачу,» и передал ему десятку. Моя получка была 80 рублей в месяц. Машина рванула и помчалась. Чувствую совершается поворот направо. Я поднялся с пола. Когда доехали до «колючки» - проволочного ограждения, крикнул: «Стоп!» И выскочил из машины. Проскочил сквозь проход в проволочной ограде, побежал через спортивную площадку, раздеваясь на ходу, забежал в свою казарму. У своей койки уложил верхнюю одежду и фуражку. Одетый в одни майку и трусы, обутый в кирзачи (кирзовые сапоги), я с книгой в руках уселся на проходе около турника, посредине казармы. Через минуту – другую раздался голос дежурного по роте: «Смирно!» Это означало, что пришел командир роты. Вместо положенной и привычной для нас команды «вольно», Хаит дал задание дежурному: «Найти командира 54-го отделения и ко мне!» Но пройдя коридор и войдя в казарму к своему кабинету, он увидел меня, читающего книгу. Взявшись за ручку двери своего кабинета, глядя на меня удивленно, ротный выкрикнул: «Топалов! Ты здесь?» Приоткрыв дверь кабинета, добавил: «Зайдите ко мне!» Я встал и ответил: «Слушаюсь.» (В то время команда «Есть» исполнялась только на флоте.) Я спокойно сказал ротному, что сейчас оденусь по форме и приду. «Заходите так!» - скомандовал ротный. Я вошел в кабинет, одетый только в майку, трусы и сапоги, что категорически запрещено, и случалось такое очень редко. Хаит меня спросил: «Кто вам разрешил выйти в город?» И между нами состоялся такой диалог.

- Никто! И в городе я не был.
- Только что мы встретились на улице, и вы меня приветствовали.
- После обеда я из казармы не выходил.
- Ну!! Топалов, я сейчас тебя прибую!

И схватив со стола перьевую, чернильную ручку, угрожая воткнуть ее мне в живот, крикнул:

- Только что я тебя видел на улице в городе, как ты попал в казарму? Говори!
- Из казармы я не выходил.
- Ну! Ну! Я тебе это припомню. Уйди с моих глаз!
- Слушаюсь.

И я вышел. Нигде и никогда об этом инциденте Хаит не вспоминал. Ни на собрании, ни при построениях курсантов. Горечь от того, что его – командира роты, нагло и чисто обвели, вероятно, испытывал. И затаив злобу, ждал удобного случая, чтобы жестоко отомстить. Такой случай ему представился. И месть его исполнилась в превосходной степени, когда он сказал, для меня судьбоносное и не соизмеримое с моим проступком, слово: «Выгнать». Мечь Хаита жестоко и беспощадно изменила мою жизнь.

Маме, - моему главному человеку с кем переписывался, сообщил, что я не лейтенант, а рядовой солдат и, возможно, приеду домой устраиваться на работу. Я жив, здоров. Работать могу на любой сельскохозяйственной работе. Начать могу шофером. Но пока я на срочной службе.

Лейтенанты ВВС в новой, синей, парадной форме, а недавно мои подчиненные, друзья и товарищи разъехались по всей стране в положенный им отпуск. А через месяц устремятся к местам, назначенным им в стране и за границей, для прохождения службы. А я в свои 20 лет остался рядовым солдатом – банщиком. Когда я отсиживал арест на гарнизонной гауптвахте, на принудительных работах для арестантов, ко мне подошел солдат с голубыми погонами на плечах и сказал, что он меня узнал, что видел много раз, как я водил отделение на занятия, что он – Слава Булычев служит в комендантском взводе при училище. Я, как курсант-сержант, холодно отнесся к такому знакомству тогда! А теперь, когда я солдат – салага, новенький во взводе, я не знал, как вести себя при встрече с Булычевым. Но он оказался выше всякой мелочной суеты, первым протянул мне руку. Доброжелательно, с искренней улыбкой, благородно и культурно поздоровался со мной. Мне стало легко. Пожимая его руку, я тоже улыбнулся. Мало того, он начал меня успокаивать, давать какие-то советы по службе и напоследок сказал: «Не горюй так сильно! Я на «губе» бывал не раз. Переживем. Наша жизнь впереди!» В коллективах при совместном, казарменном положении, при одинаковом питании и одинаковой одежде, при незначительной разнице в возрасте, когда отсутствуют внешние признаки приоритета

личности, решающее значение приобретает внутренний мир человека. Очень быстро определяются друзья, товарищи, не товарищи и антагонисты. Первыми моими товарищами в комендантском взводе стали Виля - сапожник из Черновцов и Коля - колхозник из Молдавии. Личный состав взвода был многонациональным. Явное большинство составляли узбеки, казахи, туркмены, татары, киргизы, таджики. Один молдаванин, один болгарин, один русский, один еврей и человек десять украинцев. Командир взвода – капитан, который занимался обустройством всего училища, взводом не занимался и в казарму не приходил, а все права и обязанности по управлению взводом, передал своему помощнику - старшине сверхсрочной службы. Во взводе пятьдесят человек. Сборище писарей, почтальонов, строителей, банщиков, дежурных на КПП (контрольно-пропускной пункт), химиков и посыльных. В комендантский взвод присылали людей, не пригодных для несения службы в боевых воинских частях. Старшина дослуживал свой сверхсрочный срок. Человек грузный, не активный. Вечерами во взводе не появлялся. Отдал все на откуп сержантам срочной службы, лишь бы его не отрывали от семейных дел. А результат обычный в таких случаях. Частые самовольные отлучки, очень низкая производительность труда строительной группы, беспорядок в казарме, низкая дисциплина и расхлябанность солдат, пьянки, драки. Одним словом-ЧМО (чуди, мути, обманывай), модным в то время. Неприглядная репутация комендантского взвода беспокоила руководство училища, для которого комендантская служба была необходимым придатком, проще говоря, вечной веригой. Осенью, ближе к зиме, обеспечивающие учебный процесс службы, а именно комендантский взвод и аэродромно-технический батальон, перевели «на зимние квартиры», то есть из палаточного городка обратно в казармы. Осмотр казарм осуществляла комиссия под руководством заместителя начальника училища. По его приказу меня разыскали и привели к нему. Я четко по уставу доложил о том, что прибыл по его приказу. Он поздоровался со мной за руку и предложил мне, фактически, сделку, говоря о том, что я готовый офицер, что я был три года командиром классного отделения, что он мне предлагает следующие условия устного договора.

Первое – он назначает меня помощником командира взвода и возвращает звание сержанта.

Второе – я навожу уставной порядок во взводе.

Третье – Если получится все хорошо, то он будет просить начальника училища, разрешить мне на следующий год сдать экзамены в составе какой-либо выпускной роты, и как результат, стать выпускником-лейтенантом. Естественно, я согласился, при том с большой радостью.

На следующий день, при общем построении личного состава всех обслуживающих служб училища, заместитель начальника училища, полковник Котлинский подвел итоги перехода на осенне-зимний период и зачитал приказ о назначении меня помощником командира комендантского взвода, о присвоении мне звания «старший сержант» и призвал всех уважать меня, помогать в поддержании уставного порядка в подразделении. В общих чертах я уже представлял все те работы, которые производились взводом, так что новое положение меня не пугало. После общего построения, первым поздравил меня рядовой Булычев. Он широко улыбаясь, сказал: «Поздравляю Вас! Товарищ старший сержант и наш командир!» Я ему ответил доброжелательно и тоже с улыбкой: «Спасибо, товарищ рядовой Булычев!» Взгляды наши встретились, между ними проскочила искорка доверия. И началась моя комендантская служба-каторга с ежечасной, ежесуточной, беспощадно скрупулезной требовательности к себе и, по возможности, к подчиненным. Подъем, построение, физзарядка, строем на завтрак, развод на работы, обед, ужин, проверка личного состава, отбой – все это надо было начинать, практически, с нуля. Я стал серьезно присматриваться к людям. Заметно было, что люди сходились в кучки по интересам, а не по списочному составу отделений. В свободное от службы время азиаты говорили на своих языках, и мне было трудно разобраться в их взаимоотношениях. Русский Булычев прибил к двум украинцам. Еврей Виля и молдаванин Коля были очень дисциплинированными солдатами, и ни к кому не примыкали. Серьезные трудности возникли, когда командир взвода ушел в свой очередной отпуск, а я остался один. Сразу-же появились отказники от строительных работ. Работы проводились по постройке шлакобетонного забора, заменяя проволочное ограждение. Люди понимали, что нельзя заставлять строить забор человека, который числится писарем, связистом или почтальоном. Поэтому группы строителей формировались на добровольных началах. На утреннем построении для развода людей по местам службы, обычно, я сразу отпускал людей обслуживающих штабную работу училища, почтальонов, писарей и секретников. Определял внутренний наряд по взводу. И наступал самый неприятный момент формирования строительных групп. После отправки строителей, оставшиеся в строю солдаты, распределялись по караулам и КПП. Командира взвода нет. На утреннем разводе я перед строем объявляю: «Кто желает сегодня пойти на строительство?» Молчание. Желающих нет. Даю команду: «Желающих пойти на строительные работы, прошу выйти из строя!» Никто не шевельнулся. Я подошел ближе к солдатам, которые вчера работали на строительстве, и спросил: «Товарищ Насивалиев, вчера Вы работали на стройке, почему сегодня не желаете работать?» Ответ был дерзким и уверенным: «Не могу и не хочу!» «Еще есть такие?» - спросил я. Молчание. Я дал команду: «Товарищам рядовым, которые работали вчера на стройке, выйти из строя!» Вяло, но вышли все. Я дал следующую команду: «Ефрейтор Гамзаев, отправляйте группу на место работы. Ефрейтор вышел из строя и повел людей. На месте неподвижным остался один Насивалиев. Я спросил: «Кто может заменить Насивалиева?» Откликнулся Булычев. Я ему сказал: «Булычев, догоняйте группу». Кабинет командира взвода и коменданта училища находится в помещении КПП. Вечером, после ужина я за своим рабочим столом в помещении казармы, рассматривал какие-то бумаги и грустно задумался. Подходит к столу Булычев и говорит: "Товарищ командир, что вы так переживаете? Ну не пошел солдат на работу сегодня, пойдет завтра. Я глянул на него, а он ехидно улыбается. Я жестом предложил ему присесть рядом со мной и начал объяснять, перейдя на «ты», мое состояние тем, что не нашел еще разумного подхода к людям. Сознывая свою ответственность, но с чувством беспомощности и одиночества, я высказал ему такие слова: «Понимаешь, Слава, сегодня Насивалиев, завтра Янабаев, молчаливые отказы, симуляция на работе. А мне совершенно не нужны принуждения через гауптвахты, аресты, суды, и тюрьмы. Я думаю, как убедить их мирно, без приключений отслужить

свой срок и уехать с честью домой. Булычев долго смотрел на меня улыбаясь, медленно встал, говоря: «Товарищ старший сержант, не принимайте все это близко к сердцу. У Вас и у меня все будет хорошо, плохое мы вместе пережили.»

На следующий день, при разводе, опять тот же вопрос, кто хочет пойти на строительные работы выйти из строя! «Я!» - выкрикнул Насивалиев и вышел из строя, а за ним вся его бригада. Я глянул на Насивалиева и ужаснулся. Его лицо было в синяках. «Отправляйте группу к месту работы.» - спокойно скомандовал я и повернулся к строю, давая следующие распоряжения. Вечером, Булычев, проходя мимо меня, как-то просто, обыденно, без эмоций проговорил: «Вот видите, вчера бастовал, а сегодня хорошо работал, стал трудовиком.» Наши взгляды встретились. Он улыбнулся, а я нет. Но мы поняли друг друга. Я догадался, -это работа Булычева и его друзей Гудыма и Кравчука. Постепенно я добрался и до строевой подготовке, шагистике. Она всегда планировалась, но не выполнялась, особенно в аэродромных подразделениях. Для начала, я лично проводил строевую подготовку один час в неделю. По моему плану, но строго согласно строевому уставу. И хорошо, что я это сделал. До Котлинского дошли слухи, что комендантский взвод даже строевой подготовкой занимается. Я убедил, уговорил коменданта приобрести телевизор в казарму взвода. Начальство согласилось. И нам купили самый большой, на то время, телевизор. Я сам смастерил проволочную антенну и установил телевизор под портретом «вождя». Жизнь пошла веселей. Пишу «веселей» - есть веская причина. До моего назначения помкомвзвода, как-то вечером зашел в каптерку, чтобы поменять продранные портянки. А там трое полурядных солдат на матрасе, расстеленном на полу, полулежат и вдыхают густой, желтый дым, вьющийся из тарелки, наполненной тлеющими углями. Каптенармус – ефрейтор, увидев меня, сказал: «Жорик, закрой дверь на замок и садись вот сюда.» И указал пальцем место для посадки. Я подчинился. И начался мой первый урок гашишной наркомании. «План» -называлась сжигаемая масса. Когда ефрейтор понял, что поочередное вдыхание над тарелкой меня не берет, он предложил мне «козью ножку». Это- скрученная из газеты махорочная трубка, раскуренная до видимого жара и сверху заправленная планом. После пары затяжек, опять ничего. Я просто не знал, чего мне ждать, что должно произойти со мной. Но я обратил внимание на странные улыбки их всех троих. Вяло прикрытые глаза, приподнятые щеки, приоткрытый, слюнявый рот, - все это сливалось в постоянную, глупую улыбку. Ефрейтор объяснял мне, что я еще новичок в этом деле, что и я научусь получать кайф. Я попросился выйти, и вышел из каптерки. Но когда я прилег на свою кровать и закрыл глаза, о Боже!! Что это такое? Передо мной вспыхнул яркий, многоцветный, контрастный мир. Мир утреннего солнечного освещения. Живые люди двигались около меня. Моя девушка со школьных лет, которая училась в Москве, появилась передо мной живьем. Я протянул руки к ней и дотронулся ее груди. Грудь была упругой. Открыл глаза и все исчезло! Я лежу на своей, солдатской койке, в полутемной, вонючей казарме. Расслабленный и потный с ощутимо глупой, неуправляемой улыбкой чужого лица, но без душевной улыбки и без желания двигаться. Чтобы заснуть и нормально выспаться, я вынужден был закрыть глаза. До засыпания, где и кем я только не был!? В бою лихо сбивал фашистские самолеты. Пел вместе с Карузо. Пил вкуснейшее вино и закусывал домашней колбасой вместе со своими родителями. После кошмарной ночи, утро оказалось нормальным и обычным. Я понял, дурман головы – не мое. Правда, я еще несколько раз посещал каптерку, но целенаправленно-для изучения предмета и усиления своей убежденности.

Огромная по площади столовая с неподвижными столами и скамейками на двенадцать человек, по шесть с каждой стороны стола, обслуживала курсантские подразделения в первую очередь. Курсанты питались по «девятой норме», то есть получали и белый хлеб, и сливочное масло. А солдатские, обслуживающие подразделения, питались по «второй» норме и после курсантских. И масло им не выдавали. Меня, помкомвзвода, а практически командира взвода, приняли в свою «семью» старшины сверхсрочной службы, которые сутками находились в казармах своих курсантских рот. Из их разговоров я понял, что повара подворовывают продукты, что контроль на КПП слабый или подкупленный поварскими подачками. Присмотревшись к службе сержантов и ефрейторов взвода, я выбрал момент для неожиданного, летучего контроля КПП на центральной проходной. Я пришел на КПП ближе к полуночи, когда посуточно сменные повара уходят домой. Своим подчиненным я приказал проверять всех и все, как положено по инструкции. Они растерялись. Самые разговорчивые стали заикаться. Особенно старший наряда, сержант, который возразил. Он сказал, что люди знают друг друга, что все хорошо, что давно не было случаев проноса через проходную. Я серьезно повторил: «Проверять по инструкции!» Снял со стены инструкцию, заделанную в рамку и вручил ее сержанту, чтобы он освежил свою память. Когда вереница поваров подходила к КПП, всех пропустили в ожидалку, а потом, по одному в комнату контроля. В работу наряда я не вмешивался, но строго и внимательно следил за всем процессом. Первыми прошли контроль две женщины, у которых выявили спрятанные мешочки с крупой и сливочное масло. Следующим был шеф-повар Хомич. Этого человека я знал со времени своих трех курсантских лет. Среди курсантов были такие высказывания: «О! Сегодня на кухне Хомич, значит на обед будет вкусный рис.» Или: «О, Хомич знает, как «кирзу», перловку в рис превратить.» И вот, знаменитый Хомич на КПП и его проверяют по всей форме. Выявили, короче, нашли при нем и колбасу, и масло и приличный кусок мяса. И у последних, двух поварах выявили пронос. Все были задержаны для составления протокола, а выявленные продукты выставлены на стол. Старший наряда, сержант сел за стол заполнять бланк протокола и перечня изъятых предметов. Одна женщина заплакала, прося пощады, клялась, что больше не будет...Я подошел к столу, положив руку на бланк протокола, посмотрел на растерянные, напуганные лица повара и обратился к их шефу со словами: «Хотите ли Вы и ваши подручные иметь дело с милицией, со справедливым, советским, народным судом, или предложите, что-нибудь существенное, чтобы избежать тюремного срока?» Хомич дрожащим голосом прохрипел: «Нет, нет! Срока не надо. Мы хорошие повара, хотим и дальше работать. К празднику соблазнились. Что-же нам теперь делать?» Я им, жестко и грубо, сказал: «Первое. Передайте всем поварским сменам столовой, - не таскать продукты через КПП. Второе, - комендантский взвод кормить хорошо, досьята и всегда, пока я здесь начальник. Иначе, будем «шмонать» вас всех каждый день, как сегодня. И третье, - если вы согласны, забирайте со стола ваши вещественные доказательства и уходите, если нет, то подписывайте протокол.» Все воришки переглянулись, встали, разобрали все со

стола и удалились. А сержанту и солдатам указал, чтобы с завтрашнего дня они присматривались к тому, как будут кормить весь взвод, без исключений, а не только отдельных лиц. Через пару дней на солдатских столах появились, перемешанные с серыми, кусочки белого хлеба. Кастрюли с борщом или супом на двенадцать человек потяжелели. Я, принципиально, сел за общий стол и ел, равную с солдатами, порцию. Но, если я приходил в столовую по разным служебным причинам вне взвода, то меня угощали, как сверхсрочника или офицера.

Однажды, когда проводилась строевая подготовка с солдатами, свободными от нарядов на центральном плацу, случайно проходящий по территории плаца Котлинский, подошел ко мне и похвалил. Я взбодрился, почувствовав реальность приближения к моей цели. Зимой, по просьбе группы солдат – азиатов, плохо говорящих на русском языке, я организовал и сам проводил занятия по изучению материальной части по программе шаферов 3-го класса. Ребята были в восторге! Последние две зимние, ежемесячные проверки состояния учебной, боевой и политической подготовки, дисциплины и поддержания внутреннего порядка, в комендантском взводе дали весьма положительный результат. Наступила весна. Началась подготовка к переселению всех обслуживающих подразделений в палаточный городок – лагерь. Для командира взвода и его помощника выделили отдельную палатку стандартного, армейского образца. Жизнь в казарме продолжалась в ожидании приказа о переселении в летний лагерь. Комендант сообщил мне: «Готовьте взвод к осмотру. Сегодня, во второй половине дня начальник училища посетит казармы лично». Практически мы были готовы к этому. И все – же, освежили чистоту помещения, подравняли заправку двухъярусных коек, включили телевизор на тихо звучащую музыку без свечения экрана. Мой рабочий стол и табуретку передвинули ближе к стенке, чтобы освободить пространство для ожидаемых начальников. В казарме только солдаты, задействованные в наряде и я. Еще по зимней форме, на мне новенькая шапка. Одежда повседневная, хлопчатобумажная, сапоги до зеркального блеска. Начальник училища, в сопровождении большой группы полковников и подполковников входит в коридор и поворачивает вправо, в сторону казарм аэродромно – технической службы, (полигона). Мы находились слева от входной двери. Я обрадовался тому, что так случилось, так как знал какие беспорядки и бедлам творятся в расположении «полигона.» Хожу туда – сюда, не сажусь, чтобы не помять одежду. В уме повторяю свой доклад, продуманный заранее: «Товарищ генерал-майор, личный состав взвода находится на местах службы согласно наряду и распорядку дня. Нарушений дисциплины нет. Помощник командира взвода, старший сержант Топалов.» Такие слова я должен произнести и не ошибиться! Открывается дверь и входит генерал, за ним много старших офицеров. Я выхожу на встречу. Он останавливается и смотрит на меня. Я вдохновенно, громко, но сдержанно, приложив руку к головному убору, продекламировал свой доклад. Сделав шаг вправо с поворотом налево, я остановился и замер. За это время сопровождающие вошли в казарму. Рядом с генералом стоял, в несколько неопрятной шинели, полковник – начальник «полигона» Генерал посмотрел налево, направо и подал мне руку. В ответ, я подал свою. Удерживая мою руку, генерал, посмотрев на начальника «полигона» и на остальных офицеров, сказал: «Смотрите, и учитесь, как надо служить!» А меня, персонально, похвалил и сказал: «Молодец! Я помню Вас. Я подпишу приказ о вашем переводе.» Осматривая помещение и порядок в нем, он обратил внимание на телевизор с тихой музыкой. Проговорил что-то поучительное своей свите, попрощался и ушел. И все ушли. Проверка закончилась!

Теперь для меня главная задача, не сорваться. Найти в себе силы и волю, терпение и спокойствие для того, чтобы без происшествий дотянуть до перевода меня в курсантскую выпускную роту. Через день переселение в палаточный лагерь. Я вселился в командирскую палатку с красным, сигнальным флажком. В палатке две койки, две табуретки и стол. Первые сутки после новоселья прошли суетливо, но нормально, без грубых нарушений. Завтра воскресенье, а значит выходной. В солдатской среде идет своя жизнь, не всегда заметная для глаз командира. Жизнь совершенно разных людей по характеру, по языку, национальности, цвету кожи и волос, уровню развития и воспитания. Я, будучи их формальным командиром, старался быть им товарищем, другом и братом. Но в формальном коллективе, пусть даже 50 человек, хорошим для всех, как командир, очень трудно быть. Когда я был внутри коллектива на равных, меня солдаты угощали вкуснятинами, присланными из их домов, учили курить наркотик, изготовленный из конопли, доверительно рассказывали о своих семейных делах. Но изменился мой статус. Я был обязан пресекать алкоголь и пьянство во взводе. Самовольщиков и выпивохов карать беспощадно. Труд адский, но мне оказывал некоторую помощь Бульчев, не гласно и без сговора. Он это делал своими методами, о которых так и не рассказал.

В палаточном городке первая вечерняя проверка, то есть проверка состава присутствующих солдат, прошла нормально. Все на месте. Дневальный у тумбочки под грибочком, часовые по периметру на месте, освещение основной аллеи полное. Вечер теплый и спокойный. Отбой. Тишина. Я вошел в свою палатку, не раздеваясь прилег на койку и размышлял о своем, счастливом будущем. И незаметно уснул. Просыпаюсь глубоко за полночь. В палатке под столбовым фонарем светло. Чтобы не разбудить спящих солдат, я осторожно и тихо вышел из своей палатки и стал в тень за столбом. И только начал движение к туалету, увидел появившуюся тень из- за проволочного заграждения. Вижу идет крадучись, как кошка к своей жертве, наступая только на носки, Насивалиев. Столб, за которым я притаился, был вбит далековато от палатки, куда шел самовольщик. Когда он подошел к своей палатке, я начал быстро приближаться к нему, и не громко, но настоятельно приказал: «Насивалиев! Стоять!» Он мгновенно нырнул за клапан входного проема палатки. Я рванул за ним. Кричать нельзя было. Подскочив к палатке, я резко рванул клапан и увидел его спину уже лежащего на левом боку, на койке справа. Увидев, что он совершает какие-то активные действия, я схватил его за пояс, а другой рукой за шинель. Но он, оставив шинель и пояс в палатке, пронырнул под натянутое полотно палатки. В палатке я остался без Насивалиева. Когда я вышел, он уже спокойно шагал к своей палатке, с другой стороны. Я его спросил, что все это значит, где он был и почему убегает от меня? Он ответил, что просто вышел по нужде, а теперь возвращается. «Я же тебя за пояс схватил и за шинель, а ты пролез под палаткой, оставив все это в моих руках!» - грозно зарычал я. «Нигде я не был, и никто меня не хватал. Я вышел из палатки и возвращаюсь.» - ответил он. Ничего больше не говоря, я вернулся в свою палатку, чтобы успокоиться и обдумать происшествие. Я задыхался от гнева и возмущения.

Руки мои еще в напряжении от схватки, в памяти картина крадущегося солдата еще не стерлась...А Насивалиев, как ни в чем не бывало!? Такие неслыханные и невиданные наглость и дерзость Насивалиева по отношению ко мне, трудно оценить без мстительных эмоций. Сидя, стоя, лежа и опять сидя, не находя себе места, я обдумывал ситуацию и свое поведение в ней. Я дал себе приказ, почти не исполнимый для меня самого. «Ничего не предпринимать, не делать, не говорить пока не будет принято мною спокойное и взвешенное решение, хотя-бы до подъема личного состава.

В голове моей, невольно, ярко вспыхнули воспоминания. Я вспомнил эпизод из моей курсантской жизни, когда я, что-то подобное, а может быть и хуже, наглей проделал с моим комроты Хаитом. Надо-же такому случиться, чтобы получить мощный удар бумеранга, запущенного некогда мною. Душа моя, истерзанная, израненная наглостью, зримой ложью подчиненного солдата. Корчась от гнева и желания уничтожить злодея, я представил себе душевное состояние Хаита в то время, когда он в своем кабинете, видя мою явную ложь и запредельную наглость, хотел воткнуть в мой живот перьевую ручку. Не выдержал я свою собственную установку-приказ. Вышел из палатки, разбудил командира отделения, выдал ему винтовку без патронов и приказал ему, отвести Насивалиева на гауптвахту училища, которая размещалась в караульном помещении. Начальника караула я предупредил, что записку об аресте принесу, когда прибудет начальство. Он, конечно, отказал в приеме без документов, и правильно сделал. Я пошел к дежурному офицеру по училищу, объяснил ему ситуацию и попросил дать команду начальнику караула, принять злого нарушителя дисциплины на гауптвахту. Насивалиева закрыли в пустующей гауптвахте. После подъема, завтрака и развода я пошел к коменданту и все рассказал. Попросил его дать Насивалиеву строгий арест по предписанию, а содержать его будем на местной гауптвахте. Так и сделали. При строгом аресте, в те годы, арестанту полагалось, через день, выдавать только питьевую воду и сто граммов хлеба. Еще зимой комендант, оценив мою службу, и не желая самому ходить по караулкам с проверками, оформил предписание, дающее право проверки караула, на мое имя. Пользуясь этим правом, я вечером того-же дня зашел в караулку, чтобы проведать Насивалиева. Глянул в смотровое окно и увидел веселого, расстегнутого солдата, который уплетал вкусную, курсантскую пищу. Я, вежливо, попросил начальника караула- младшего офицера соблюдать требования устава, и кормить арестованного по положенной ему, солдатской норме. Перед уходом, я еще раз заглянул в окно и спросил: «Ну, Насивалиев, что скажешь?» Он ответил, что доволен, что хоть немного отдохнет. Второй день полагался «голодным». На следующий день, когда я заглянул в караулку, чтобы посмотреть, что ест арестованный на обед, я зафиксировал, - солдат ест борщ и кашу. Начальнику караула сделал замечание. «Да пусть ест, нам не жалко. Пища даже остаётся.» - усмехнулся начальник караула. Я еще раз серьезно предупредил и попросил его, соблюдать требования устава. Под вечер, перед сменной караула, я опять пришел в караулку, но вместе с комендантом. Пока комендант в чем-то убеждал начальника караула, я в постовую ведомость накатал все выявленные нарушения несения караульной службы. Когда начальник караула глянул в ведомость, побледнел! Выходя из караулки вслед за комендантом, я начальнику караула сказал, чтобы он предупредил следующего начальника караула, о возможных неприятностях. Перепуганные начальники караулов и их подчиненные, вообще перестали кормить Насивалиева. Я продолжал заходить в караулку каждый день, не ослабевая контроль содержания арестанта. Насивалиеву было предписано десять суток «строгоча». На пятый день после ареста, при моем, очередном визите в караулку, Насивалиев сам подошел к окну в двери, «амбразуре» и попросился на волю, сказав мне: «Заберите меня отсюда. Я буду служить и работать до конца службы без замечаний.» Предъявив письменное разрешение на досрочное освобождение, подписанное самим Котлинским, я от начальника караула принял Насивалиева. И отправил его в расположение взвода, чтобы привести себя в порядок и доложить командиру отделения о себе. Я вздохнул облегченно! Когда зам. нач. училища Котлинский подписывал распоряжение на досрочное освобождение солдата, на словах он мне сказал, что проект приказа на мой перевод в курсантскую роту, он уже подал на подпись генералу.

Мы перешли на летнюю форму одежды. Начались весенне- летние строительные работы. Я немного расслабился. Наступило воскресенье с прекрасной, весенней погодой. Я знал, что Булычеву, как бывшему, гарнизонному арестанту, увольнение в город запрещено на полгода. С наступлением тепла, он все ярче и чаще демонстрировал свое желание попасть в город, хоть на несколько часов. Я послал дежурного разыскать и пригласить ко мне в палатку Булычева. Зайдя в палатку, он доложил о своем прибытии. Вид у него был расхлябанный и небрежный. Расстегнутая гимнастерка с грязным подворотничком, старая, изношенная роба с не чищенными пуговицами, истоптанные, не чищенные кирзачи. Да и сам он, плохо выбрит и без головного убора – пилотки со звездочкой. Я пригласил его присесть на табуретку. Он осторожно присел, расставив широко ноги, и впервые не улыбаясь, спросил: «Что случилось?» Раньше я к нему напрямую не обращался. Безмолвный диалог, который иногда, в очень сложных ситуациях, возникал между нами только через глаза, каждый из нас понимал по- своему. Но я все больше убеждался, что Булычев, не смотря на его своенравный и сильный характер, понимал меня больше и лучше, чем я его. Глядя ему в глаза, я спокойно сказал: «Слава, мне сегодня нужно поехать в город по нуждам взвода, кое что купить и привести, и прошу тебя пойти вместе со мной.» Он долго, испытующе смотрел на меня, потом спросил: «А как- же мой запрет?» «Твой запрет я беру на себя. Если ты согласен, иди и приведи себя в порядок, готовность через час.» - сказал я, показывая рукой на его внешний вид. Стремглав он выскочил из палатки. Минут через пять, по территории забегали его товарищи, Гудым и Кравчук. Ровно через час, передо мной стоял высокий, стройный, улыбающийся блондин. Чисто выбритый, со свежим полубоксом, зачесанным набок, в новенькой робе с перешитыми брюками под «галифе» и в блестящих, хромовых сапогах. Новая пилотка под погоном, - признак армейского стиляги. Для спокойного пребывания в городе, я оформил увольнительные записки на нас двоих, взял с собой наши личные, металлические знаки и указал ему надеть пилотку по форме. Мы ушли в город. Доехав до центра города на трамвае, мы вышли и пошли медленными шагами, ожидая начала разговора. Я сказал: «Слава, документы твои в порядке, ты свободен, можешь идти куда хочешь, но не напивайся. А я пойду в кино, потом проведу твои вещи. Прохождение через КПП только вместе. Место встречи на трамвайной остановке, за полчаса до ужина. Такой расклад тебя устраивает?» «Предлагаю сначала зайти в ближайший ресторан, пообедать и отметить

наш первый выход в город, а потом все, как ты сказал.» - ответил мой уже товарищ, после сказанного им «ты». «На ресторан у меня нет денег и ...», я не успел досказать, что не смогу это сделать. Он прервал мои слова своим быстрым: «Стоп! Вот, деньги и я приглашаю!» И достал из кармана приличную сумму денег. Я его спросил, откуда у него столько денег? Он улыбаясь ответил: «Мама прислала...Шучу, это деньги Кравчука. Он их мне подарил для прогулки в город. Все нормально, я тебя не подведу. Буквально, по сотке. Пошли!» И я пошел с ним туда, куда он повел меня. Он ленинградец. Я чувствовал его городское воспитание, сильно отличающееся от воспитания большинства солдат и сержантов нашего взвода, в том числе и моего. Он вошел в ресторан, как будто бывал там сотни раз. Вошел, определил столик, жестом пригласил меня присесть, а сам пошел к официантам. Вернулся расстегнутым, с пилоткой под погоном, и сказал весело: «Сейчас все будет.» За столом мы общались, как друзья. Поговорили о жизни нашего взвода, вспомнили некоторые эпизоды из наших взаимных отношений. Не обошлось без анекдотов того времени. Пообедали весьма дорогими, мясными блюдами, выпили пол-литровый графинчик водки на двоих, закусили чем-то сладким и ушли. К концу застолья, я от водки немного расслабился и признался Булычеву, что скоро от них уйду. Он расхохотался, говоря о том, что это не секрет для них, что они все знают, что писарь каждый день следит за бумагами в штабе, чтобы не пропустить приказ о моем переводе. На улице мы разошлись. Я напомнил о встрече на трамвайной остановке за тридцать минут до начала солдатского ужина. Я прошел пешком до улицы Сумской, и там в кинотеатре, посмотрел индийский фильм «Бродяга». Когда я приехал на место встречи, Булычев уже ждал меня. Проходя через КПП, я пропустил Булычева вперед, громко распорядился: «Идите прямо во взвод, и успеете к построению на ужин.» А сам я задержался на минуту интересуясь, нет ли происшествий? А фактически для того, чтобы дежурные, свое основное внимание, обратили на меня. Первый поход в город с Булычевым завершился удачно. Но!!! Но состояло в том, что в понедельник, утром я, проснувшись не мог отключиться от навязчивых мыслей о вчерашнем походе. Осмыслив вчерашние события, я ужаснулся величине того риска, которому подверг себя. Ведь я, хоть не на долго, но поставил свое будущее в зависимость от другого человека. Напейся он, а это было вероятно, попади он строгим патрулям, да наконец, попади он в какую-либо конфликтную или аварийную ситуацию, и я сгорел «синим пламенем»! Но эти важные мысли для меня, пришли постфактум, короче, - «опосля». Построение и развод провел энергично, требовательно, без конфликтов. Но служить в комендантском взводе мне уже было трудно. Я напрягал все свои волевые усилия для удержания от полного развала всей сложной системы управления комендантским взводом, которую я героически сотворил. Систему не прочную, не долговечную, зависящую от авторитета одного или двух конкретных лиц. «Лицо» уходит – система им созданная изменяется. Я опасался, даже боялся выйти из системы раньше времени, раньше часа «икс». В то время гоняли фильм, где пелась песенка про пять минут. Я боялся этих пяти минут, и поэтому напрягал все свои моральные, волевые и физические усилия для безопасного продвижения вперед до «12», до часа «икс», то есть до моего перевода. Спустя два дня после моего самокритичного анализа своего поведения, настал ожидаемый час. Утром, буквально, после развода прибежал, именно бегом, как марафонец, и вбежал в мою палатку штабной писарь с сообщением о том, что приказ подписан генералом, что мне даны два дня на передачу всех взводных дел вновь назначенному помкомвзвода, сержанту Рыжову. А мне через два дня прибыть в распоряжение командира роты Рахмана. Я сразу оценил особенность ситуации, - ушел от Хаита, а прибыл к Рахману! Проведение не без юмора! Не каждому выпадет такая удача, чтобы находиться во власти самых популярных «во языцах» среди курсантов, командиров рот. Был Хаит, который исковеркал мой жизненный путь, а теперь Рахман сделает со мной что-нибудь. Барахло, то есть вещевое имущество, числящееся за мной, я сдал в каптерку. А сержанту Рыжову рассказал о должности то, о чем он не хуже меня знал. И, конечно, докладываю коменданту, от меня – должность сдал, от Рыжова – должность принял. Все! Но уходить до понедельника в курсантскую роту я не имел права, да я и не хотел. Не идти же в чужое подразделение раньше срока. Хотя там меня ждали. На второй день, когда почтальоны разнесли приказы по подразделениям, Рахман, увидев меня на территории училища, окликнул. Я подошел. Он мне и говорит: «Ты почему не приходишь в роту? Приказ есть о твоём переводе ко мне». Я прикинулся, что не в курсе дела. Он продолжил: «Давай приходи, нужно срочно восстановить художественную самодеятельность к первому мая. И учти, Хаит тебя выгнал, а я, не смотря ни на что, из тебя сделаю настоящего офицера. Ты понял?» Я ответил, что понял, и что все зависит от моих нынешних командиров, когда отпустят, тогда и приду. Свободным человеком, не принужденным кого-то принуждать, я шел в палаточный городок, чтобы на привычном месте прилечь, отдохнуть и подумать. В лагере меня встретил улыбчивый Булычев и говорит, что они, то есть ряд избранных лиц, хотят устроить прощальную вечеринку мне, что все будет продумано, безопасно и нормально. Если я согласен, то завтра надо отпустить в увольнение Гудыма и Кравчука, изыскав возможность, не назначать их на стройку. Я ответил, что попытаюсь просьбу выполнить. После завтрака Гудым и Кравчук ушли в город до 20,00, то есть до 8 вечера. В девятом часу вечера, в палатку ко мне пришел Булычев, постоял немного, а потом достает из обоих карманов рабочих брюк ладони, наполненные наручными часами. Протягивает их мне и говорит: «Командир, завтра утром ты не будешь нашим командиром! Выбирай, что тебе нравится и оставь себе на память.» Я его спросил, что это все значит? Он потрясывая ладонями, наполненными мужскими и женскими, наручными часами похвастал: «Это не все то, что принесли из города Гудым и Кравчук. Бери на выбор, остальное пойдет на обмен и в ломбард. Я категорически отказался от его предложения. И сказал ему, как доброму моему товарищу: «Слава, ты же хороший парень, у тебя должно быть прекрасное будущее, зачем ты рискуешь так серьезно, это же часы ворованные!» Он, совершенно серьезно и с особой, убеждающей интонацией, сказал мне: «Нет! Я не украл ни одной вещи за всю свою жизнь. Но я пользуюсь добротой моих армейских товарищей, которые не могут жить и служить без моих советов. Я все понял. Завтра вечером, мы будем заседать в каптерке, если захочешь, приходи. Мы будем ждать.» Необычным был мой последний солдатский ужин. Я пришел в столовую, когда уже кормили «одинок», по предварительной заявке. Естественно, на меня заявки нет. Я подошел к окну раздачи, жестом руки пригласил шефа – повара и попросил его накормить меня. Получив кивок согласия, я уселся на мое привычное место. Минут через пятнадцать, женщина, одна из бывших задержанных на КПП, принесла огромный, пластмассовый поднос, заставленный разнообразной едой и стаканом компота. Выложила все, улыбнулась и ушла. На ужин полагался чай, а подали компот? Вишни на дне стакана вызвали подозрение, - компот ли это? Осторожно попробовал, - водка. Еда: жареная картошка с

кусками мяса, два кубика сливочного масла, нарезанная колбаса и какой-то салат. Я глубоко вздохнул, отпил из стакана, поел, допил, закусил и попрощался с этим «райским» местом навсегда! Мысль о предстоящей, прощальной вечеринке, на которую меня пригласил Булычев, не давала мне покоя. Идти или не идти, вот в чем вопрос? Опасения есть и желания есть. Проведение вечеринки планировалось в помещении каптерки – комнаты для имущества взвода, которая не закрывалась на время лагерной службы. И теперь, весной и летом, оставалась одинокой в пустующих помещениях казарменного здания. Многократно оценив место, время и строгость корпоративности назначенной встречи, я решил пойти. Пройдя по не освещенному коридору, я остановился у хорошо знакомой двери. Постучал таа-ти-ти-таа, то есть тире-точка-точка-тире, и дверь открылась в ярко освещенную комнату. Дверь открыл Булычев, широким жестом пригласил меня к большому, канцелярскому столу, на котором красовались все атрибуты небедной, алкогольной вечеринки. За столом сидели сержанты, ефрейторы и один рядовой – наш «старик», молдаванин. Я присел на единственное, свободное место. Все они уже были возбуждены и веселы. Тосты, пожелания, шутки, анекдоты и смех не прекращались. Я полностью поддерживал дух вечеринки, был ее активным соучастником, но водки не пил. Где-то, за полчаса до отбоя, я попрощался и ушел.

Ушел! Ушел навсегда из того кусочка моей жизни, длинной в полгода, который запомнился мне лучше, чем все три года прошлой, курсантской жизни. Я не жалею о курсантскую жизнь, но все-же она была проще, более прогнозируемой. Она не требовала экстремально высоких напряжений воли, бдительности, внимания и высокой ответственности за свои поступки перед большим коллективом разных людей, объединенных формально законом. За полгода, не только я повлиял на многих людей, но и они меня существенно изменили. Я повзрослел! Завтра утром начнется моя новая курсантская жизнь.

На следующий день, утром до завтрака, я прибыл в курсантскую, выпускную роту, которой командовал майор Рахман. Курсантские погоны отличались от солдатских, чисто голубых тем, что были окаймлены широкой золотистой лентой. Перейдя в курсантское подразделение, я свои погоны не поменял умышленно, чтобы не слиться с общей массой, и сохранить подольше какую-то автономность и свободу. Преподаватели, учившие меня в прошлой моей выпускной роте, практически не поменялись. Узнавали меня сразу и относились ко мне очень доброжелательно, как к отличнику и командиру лучшего отделения. Старшина роты – сверхсрочник, главное лицо во всеобъемлющей, бытовой жизни курсантов, продолжал почитать меня, как человека из их среды. Во всяком случае, проблем с увольнением в город у меня не было. Новые товарищи курсанты воспринимали меня как старшего, хотя я не был на командирской должности. Но однажды, на узком тротуаре, лицом к лицу, я встретился с командиром батальона, подполковником Сургуладзе. Я его четко по уставу поприветствовал, а он жестом меня остановил и сразу же спросил: «Ты почему в этих погонах? Сегодня же надень курсантские.» И пошел дальше, не останавливаясь. Я посмотрел ему в след и понял, что кончилась моя «лафа». Курсантские погоны я надел, но со знаками старшего сержанта. Меня воинского звания не лишали. Возобновилась привычная, но подзабытая, курсантская жизнь. Сон на двуярусной койке в общей казарме для двухсот человек. Физическая зарядка с пробежкой во взводном строю. Завтрак, обед и ужин в той самой огромной столовой, со столами на двенадцать человек. Шесть часов занятий в аудиториях – классах. Двухчасовая самоподготовка. Час послеобеденного отдыха в койках. Два часа личного времени. Вечерняя поверка под личным контролем старшины – сверхсрочной службы. И отбой! Утром, за пятнадцать минут до общего подъема, дежурный по роте тихо поднимает всех командиров сержантского состава. И в общее для всего училища время, подъем! В таком, циклическом повторении ежедневной жизни, прошли незаметно месяцы до окончания учебы и начала стажировки, то есть практики в строевых воинских частях Киевского военного округа. Как правило, курсанты не знали места их командировки. Им безразлично куда их направят, где пробыть, прослужить, отдохнуть целых тридцать дней до выпускных экзаменов.

Я и мой сокурсник Виктор попали в авиационный полк самолетов – бомбардировщиков «Ил-28», недавно вернувшийся из Австрии. Полк расквартировался в палаточном городке под Борисполем. Полк так и назывался - «Австрийский» Практика наша проходила весьма успешно, потому что руководству воинской части было не до нас. Куратор нашей группы курсантов, отправленных в разные ВЧ вокруг г. Киева, находился постоянно в Киеве. Его интересовали только положительные отзывы о стажерах. Во всяком случае, наш руководитель, майор Красинский нас не посетил ни разу, за целый месяц стажировки. Гулять, развлекаться нам негде было. Мы проводили время среди военнослужащих подразделений, обслуживающих полеты полка. Старались изучать то, что для нас было новым и интересным. В практический процесс включались и вникали добровольно, по собственной инициативе.

В Бессарабском селе Ташлык, где я жил и учился, с румынских времен существовал устойчивый обычай, к празднику пасхи парни устанавливали деревянные качели. В центре села – на базарной площади и в других популярных местах. Качели прочные, высокие, рассчитанные для взрослых людей, строились по общему принципу. Два столба, вкопанных в землю на расстоянии метра полтора друг от друга. Верхняя перекладина – свободно вращающаяся металлическая ось. К перекладине прикрепляли две параллельные жерди, к которым горизонтально крепили доску. Такие качели назывались «скрынчоп», а теперь их металлический, усовершенствованный прототип называется «лопингом» и используется, как спортивный снаряд для тренировки летчиков и космонавтов. Так вот, мы пацаны, я и мои соседи-товарищи соорудили такой «скрынчоп-лопинг» в моем дворе. Кататься на таких качелях можно было сидя или стоя на доске, удерживаясь руками за жерди. Девушки катались сидя, с небольшой амплитудой раскачки, а парни, которые посмелее и решительнее, могли совершать полные обороты вокруг оси перекладины. Для того, чтобы совершить полный оборот на 360 градусов и не вывалиться в верхней мертвой точке, к доске прикрепляли прочный, плоский ремень, под который просовывали пальцы ног до подъема стопы. Хвостовство и удаль парней определялись количеством полных оборотов вокруг оси в одной попытке. В этом пасхальном развлечении были свои кумиры и

чемпионы. Каждый оборот считали громко и хором очередники, ожидавшие своей очереди, чтобы показать свою удачу. Поскольку наш «скрынчоп» находился в моем дворе, а не на улице, то и претендентов прокатиться было не много, а в будние дни – никого. Я же, крутил обороты каждый день, после школы в присутствии двух, трех товарищей, не более. И довел свое совершенство прокручивать обороты до такой степени, что мог делать это не просовывая стопы под ремень. Этот чисто технический прием я открыл сам. Если одну руку, удерживая себя на уровне головы, быстро перенести на уровень колена и прижать себя к доске, на которой стоят ноги, то ноги в верхней точке не отрываются от доски. Постоянные, фактически ежедневные и длительные тренировки вывели меня в чемпионы местного значения, с сотней и более оборотов в одной попытке. Все это было в детстве. Но вместе с развитием советской цивилизации, к началу пятидесятых годов, такое развлечение угасло и из сельской жизни исчезло навсегда. Но в памяти моей осталось.

Однажды заметив, что в спортивном городке авиаполка проводятся тренировочные занятия лётного состава, я предложил коллеге Виктору пойти и понаблюдать. Мы подошли к невысокому, условному ограждению спортплощадки, к тому месту, где стоял красавец – лопинг, изготовленный из металла и покрашенный в голубой цвет. Имел он две степени свободы, то есть давал возможность вращаться вокруг горизонтальной и вертикальной осей. Каждого, очередного спортсмена помощники привязывали к лопингу за руки и ноги специальными ремнями. При любых неожиданностях спортсмен не мог выпасть из лопинга. Я внимательно следил за всем процессом тренировки и ждал ее окончания, обдумывая свои дальнейшие действия. После последнего подхода к снаряду, я подошел к руководителю и попросил разрешения попробовать прокачаться. Но не успел он мне ответить, я столкнув с места подвеску лопинга, вскочил на подножки и начал усиленно раскачивать лопинг. Руководитель крикнул, предупреждая, что я не привязан, что надо пристегнуть руки и ноги. Я ответил, что все нормально, и страховка мне не нужна. В известный мне по ощущениям невесомости момент, я перехватился правой рукой за трубу подвески и прижался к ножным упорам лопинга. Главное сделано, я в безопасности. Еще два мощных толчка полусогнутыми ногами, и я перевалил через верхнюю мертвую точку. Прокрутив пять оборотов, я начал тормозить обратными действиями ног. В нужный момент я перехватился рукой в обычное, нормальное положение и сошел с лопинга. Возбужденный содеянным, с дрожащими ногами, запыхавшийся, я поблагодарил онемевшего руководителя и удивленных спортсменов одним словом, -спасибо. И вышел за ограждение площадки. Очнувшись, руководитель, определив нас по курсантской военной форме, спросил: «Вы молодцы, но все равно нарушать дисциплину нельзя. Вы из какого училища?» Уже удаляясь, я ответил: «Мы стажеры из Харькова.» Впечатленный до заикания моим неожиданным поступком, Виктор остановил меня за рукав, и спросил: «Ну! Ты даешь! Откуда все это у тебя? Может быть кроме командатуры ты и летал раньше?» Я шутя, но уверенно ответил: «Да, летал.» После длительной молчаливой паузы, он продолжил: «Теперь я вижу, что не напрасно наши курсачи о тебе всякие небылицы рассказывают. Я как-то не верил, а сейчас убедился, что доля правды есть. Недаром некоторые восхищаются тобой.» В один из последних за время стажировки, воскресных вечеров я предложил Виктору пойти на танцы, в ближайшее от аэродрома село. Он саркастически рассмеялся говоря, что он в жизни туда не пойдет, и что он там будет делать, если даже пойдет? И какие, вообще, могут быть сельские танцы, если нам скоро возвращаться в училище? Оставив своего товарища лежащим и мечтающим на койке, я пошел по не известным мне тропам к селу, о котором мне рассказывали уже знакомые мне солдаты полка. И правильно сделал. Там я познакомился с веселой женщиной, которая оставила хорошую, долгую память о себе. Я её запомнил потому, что на прощание она мне сказала впечатляющие слова: «Ты для меня, за несколько встреч, стал всем тем лучшим, что в моей жизни было. Ты можешь вернуться ко мне в любое время во всей моей будущей жизни.» Нам стажерам написали хорошие отзывы, оформили необходимые документы и попрощались с нами. И вот! В центре просторного зала ожидания Киевского Ж.Д. вокзала стоит майор Красинский с блокнотом в руке. Он фиксирует прибывающих курсантов со всех точек назначения для инструктажа, посадки в поезд и отъезда к себе в город Харьков.

P.S. к первой главе «Выбора»

Отсидев на гарнизонной гауптвахте двадцать суток простого ареста, я вернулся в училище. Пока комроты Хаит ускоренно и незаконно выгонял меня из комсомола, водил к начальнику училища для определения, что со мной делать дальше, конечно же, я общался со своими товарищами и подчиненными курсантами. Для меня важным было узнать, были ли те двое гражданских парней, которые вошли в трамвай за мной и напали на меня с кулаками, знакомы с Коряком, ведь они ехали из того-же поселка, где жил Коряк. Из беседы с Коряком я выяснил следующие, ранее неизвестные мне обстоятельства. После домашнего, семейного застолья, когда Коряк проводил меня к трамваю вместе с ним шел его младший двоюродный брат. Коряк приказал брату проводить меня до училища и обеспечить, по возможности, мою безопасность. Последним заскочил в трамвай брат Коряка и притаился за перегородкой трамвайной посадочной площадки с трубой-поручнем в центре. Когда один, из двух парней, который больший по габаритам, ударил меня по лицу и получил какое-то сопротивление, к нам вцепившимся друг в друга, поспешил меньший парень, но получив мощный удар в грудь повалился назад, срикошетил о трубу-поручень и вывалился из трамвая. Немедленно за ним из трамвая выскочил и брат Коряка – мальчишка, подросток. Увидев суетившегося в придорожной канаве парня побежал к нему, прихватив по дороге кусок ржавого обруча, и железом ударял его по голове до тех пор, пока тот не перестал сопротивляться. А сам, выбросив железяку, вихрем сбежал с места происшествия. Так этот эпизод и остался не раскрытым милицией. Знали правду два человека. Значительно позже я стал третьим.

